

И. Черный • В. Немирович-Данченко • И. Анисимов

Кавказские еврей- горцы

ТРАГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КАВКАЗСКИХ ЕВРЕЕВ

ЖИЗНЕННЫЙ УКЛАД, ТРАДИЦИИ, ОБРЯДЫ И ВЕРОВАНИЯ

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ХРИСТИАНСКИМИ И МУСУЛЬМАНСКИМИ НАРОДАМИ

Василий Немирович-Данченко
Кавказские еврей-горцы (сборник)

«Центрполиграф»

УДК 392
ББК 63.5

Немирович-Данченко В. И.

Кавказские евреи-горцы (сборник) / В. И. Немирович-Данченко — «Центрполиграф»,

ISBN 978-5-227-06630-5

История евреев на Кавказе восходит к глубокой древности и теряется в тумане литературных и устных преданий. Современные евреи Кавказа сохранили весьма смутные воспоминания о своем происхождении. Но, как свидетельствуют путешественники XVIII и первой половины XIX века, среди евреев Кавказа была еще жива легенда, что они потомки десяти колен Израилевых, поселенных в Мидии ассирийскими царями. Российские этнографы-путешественники, очерки которых вошли в этот сборник, собрали интереснейшие исторические, этнографические и статистические сведения, интересные любознательному читателю и сегодня.

УДК 392

ББК 63.5

ISBN 978-5-227-06630-5

© Немирович-Данченко В. И.

© Центрполиграф

Содержание

Горские евреи Терской области. Краткие исторические сведения 1869	5
От автора	8
Глава 1	12
Глава 2	17
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

**Василий Иванович Немирович-
Данченко, Илья Анисимов, Иуда Черный
Кавказские еврей-горцы (сборник)**

**Горские евреи Терской области.
Краткие исторические сведения 1869**

Иуда Черный

Иосиф-Иуда бен Яков Черный (Иосиф Яковлевич Черный, Иуда Черный) – российский путешественник-этнограф, известный изучением евреев Кавказа.

Черный публиковал свои исследования в нескольких еврейских изданиях: *Ha-Maggid*, *Ha-Karmel*, *Ha-Meliz*, *Neueste Post* и пр. Он написал ряд статей о жизни дагестанских, бухарских и персидских (иранских) евреев; описывая их тяжелое экономически-правовое положение, а также их низкий, с точки зрения ашкеназов, культурный уровень.

Черный путешествовал по Кавказу и Закавказью более 10 лет, после чего вернулся в конце 1879 года в Одессу, чтобы привести в порядок и опубликовать накопившийся у него ценный историко-этнографический материал.

Однако туберкулез горла, от которого Черный умер в 1880 году в Одессе, не дал ему возможности закончить труд, и Черный перед смертью завещал весь собранный им материал Обществу просвещения, на средства которого под редакцией Авраама Яковлевича Гаркави была опубликована в двух частях лишь та часть материалов Черного, которая имеет непосредственное отношение к быту и истории кавказских евреев. Эти документы можно разделить на две категории: 1) собранные путешественником письменные памятники кавказских евреев, относящиеся к последним трем векам; 2) устные рассказы туземцев об их прошлом и имеющие

значительный этнографически-бытовой интерес собственные наблюдения Черного над экономическим, религиозным и духовным бытом горских евреев.

От автора

Из многих известных мне ученых, исследовавших Кавказ в этнографическом отношении, не оставляя без внимания самые незначительные племена, ни один не вспомнил о кавказских евреях. Между тем их образ жизни, нравы, обычаи, верования и предрассудки, отличающие их от соплеменников в Европе, и положение, занимаемое ими между полудикими племенами, обитающими в горах Кавказа, представляют много любопытного. С целью исследования истории этого забытого почти всеми учеными народа я предпринял путешествие по Кавказу и Закавказскому краю в надежде, что труды мои не останутся без пользы как для правительства, так и для любителей истории и этнографии.

По преданиям горских еврейских обществ, обитающих в Терской области, выходит, будто они потомки пленников Салманасара, ассирийского царя, выведенных им из Самарии и поселенных в Ассирии, Колхе, на реке Гозане и в старой Мидии еще во времена существования 1-го храма Соломонова в Иерусалиме в 9-м году царствования Осии, царя Израильского, или в 6-м году царствования Иезекии, царя Иудейского, около 720 лет до Р. Х. Из старой Мидии они переселились в Ширвань. По случаю разных преследований и угнетений ширванских и персидских владетелей они вынуждены были искать пристанища в Дагестанских горах, где и жили долгое время в Джугуд-Катте, развалины которого сохранились доньше у подошвы горы, омываемой небольшой речкой Нукерой на расстоянии одного часа верховой езды от селения Маджалиса в Кайтаго-Табасаранском округе. Жестокие гонения горцев вынудили евреев покинуть и это пепелище и спастись бегством в горы и леса дагестанские; многие из них прибегли к кумыкским князьям и были приняты ими на различных условиях в Андреевской деревне, находящейся в урочище Ачи-Коль при реке Акташ (в 12 верстах от Хасавюрта). Это было около 1618 года, вероятно, при Казаналине и Айдемире – двух сыновьях султана Мута, первых из тогдашних кумыкских владетелей. Образ жизни, положение и занятия евреев в Джугуд-Катте и Ширване оставили мало следов в памяти их нынешних потомков, потому что все книги и письменные их документы были разграблены и истреблены горцами.

Что же касается до положения их в Андреевской деревне от начала переселения туда до занятия кумыкской плоскости русскими войсками в 1819 году, то они там были в зависимости от князей и узденей кумыкских, у которых искали защиты от воинственных коренных жителей страны. Так, евреи не имели права участвовать в совещаниях по делам аульного общества, не могли строить и покупать домов, а проживали в дворах кунакбаев (хозяев или патронов), во всех своих делах, как то: по убийствам и по ранениям, по взысканию долгов, по покражам и т. и. они добивались материального удовлетворения не сами лично, но через своих кунакбаев и покровителей, одним словом, они со своими семействами и имуществом находились в полном подчинении своим покровителям, ибо лишь те из них, у кого были сильные и добросовестные защитники, могли безопасно жить между туземцами, успешно вести свои торговые дела.

Евреям воспрещалось ездить верхом, носить хорошую одежду, особенно шелковую, и вообще им причинялось много страданий от местных жителей; их синагоги были несколько раз разрушены и разграблены. Когда они хоронили умершего, мусульмане раскапывали в ночное время могилу и обирали что было на мертвеце. Если вор подкапывался под дом еврея, обворовывал его и, уходя, забывал там свой топор, то наутро приходил отец вора и требовал у еврея возвращения топора, оставленного его сыном ночью; еврей должен был беспрекословно исполнить это требование, но не смел заикнуться при этом о возвращении ему украденного его имущества из боязни навлечь на себя еще большие неприятности от родственников и друзей вора, повредить на будущее время своей торговле, наконец, из страха покушения на свою и целого семейства жизнь.

Евреи занимались тогда торговлей, содержанием мясных лавок и выделкой козловых шкур. Повинности, отбываемые ими кумыкским князьям, заключались в следующем: с привозимого евреями товара из Персии, Грузии, Кабарды, Кизляра, Брагуновской и Староюртовской деревень взималось по 2 руб. 50 коп.; с каждого приезжавшего с товаром из Персии, Грузии и Кабарды еврея по 1 руб. 50 коп. на каждую арбу. С приезжавших без товара и приходивших для свидания с родственниками и по другим надобностям князья получали с каждого человека: из Дербента, Кизляра, Грузии и Кабарды по 1 руб. 20 коп., а из Каракайтага по 50 коп. С привозимого из Тавлии вина для домашнего употребления от каждой бочки по 2 руб. 20 коп. Еврей, находившийся некоторое время в других деревнях для зарабатывания себе хлеба, при возвращении домой должен был дать князю 1 руб. 25 коп.

Кроме повинности князьям евреи отбывали повинности своим хозяевам. С покупаемых евреями лошадей хозяин квартиры получал 25 коп. за каждую, за корову и за ишака по 20 коп. Хозяин дома получал от еврея, имевшего дочь-невесту, пять лет сряду по 20 коп. в год: по смерти же Али-султана хозяева брали по 3 руб. в год. С невесты, вышедшей замуж, хозяева пользовались, впрочем, не всегда одинаково, от 2 до 4 руб.

По завоевании русскими войсками кумыкской плоскости евреи подали просьбу о принятии их под покровительство России и этим много себе повредили, ибо навлекли на себя негодование и презрение кумыкских жителей, которые стали их сильнее притеснять и принудили наконец в 1822 году прибегнуть с просьбою к генералу Ермолову о разрешении им выселиться из кумыкского в чеченский округ, на что Ермолов не согласился, находя невозможным лишить кумыкских князей получаемых с евреев доходов. Таким образом, бедные евреи оставались в самом жалком положении в Андреевской деревне до 1831 года, то есть времени возмущения Кази-муллы.

В этом же году партия Кази-муллы, состоявшая из 7000 человек, напала на Андреевскую деревню; жители передались неприятелю, евреи при этом пострадали, лавки их и имущество были ограблены неприятелем и взбунтовавшимися андреевцами, несколько евреев было убито и взято в плен. После такого погрома евреи со своими семействами и хозяйством перешли в крепость Внезапную, заложенную генералом Ермоловым в 1819 году на возвышенном месте напротив Андреевской деревни, за рекою Акташем. Здесь евреи вместе с русским гарнизоном выдержали в самое жаркое время августа месяца 14-дневную осаду, претерпевая крайнюю нужду в пище и питье. Так как река была занята с обеих сторон неприятелем, евреи поместили свои семейства в вырытых ими ямах для охлаждения и утоления жажды и вместе с солдатами, одинаково с ними изнуренными, молились Богу и оглашали улицы крепости воплями. И теперь еще жители рассказывают, что в последний день осады пошел проливной дождь, все ямы были наполнены водой, так что осажденные были обеспечены на продолжительное время. Евреи приписывают этот случай тому, что Бог услышал их молитвы и умилился над ними. Затем подоспевший отряд Эммануэля заставил Кази-муллу с его партией удалиться.

По оставлении Андреевской деревни евреи разделились на кумыкской плоскости в укреплении Хасавюрт, в деревнях Аксае или Таш-Кичу и Костеке; в чеченском округе – сначала в Староюрте, а потом в Грозном; в Кабардинском округе – в Нальчике. По миновании смут, причиненных Кази-муллою и новых их переселений, некоторые семейства евреев, соскучившись по родине, возвратились опять в Андреевскую деревню и через несколько лет оставили там еще раз порядочную общину. Но им вторично пришлось испытать нашествие неприятельской шайки, которая, ворвавшись в Андреевскую деревню, убила 3 евреев, 11 человек взяла в плен с их имуществом; кроме того, на общину было наложено 200 руб. серебром ежегодной подати. Генерал-лейтенант Вельяминов, командовавший в то время войсками на Кавказской линии и Черномории, входя в положение евреев, сделал распоряжение, чтобы не стеснять их в промыслах, а, напротив, оказывать им всевозможное покровительство и защиту.

Аксаевские евреи рассказывают, что, когда они переселились в Аксай, владельцем там был Муса Хасаев, один из аксаевских князей, который жестоко обходился с евреями, не заступался за их обиды, не обращал внимания на то, что многие из них были убиты мусульманами-соседями, не доверял свидетелям из евреев и не допускал их к присяге; словом, чем только мог, преследовал и притеснял их. Примером этого Мусы Хасаева руководствовались и его последователи. Подобно аксаевским евреям страдали евреи и в Костеке от костековских князей и тамошних мусульманских жителей.

В 1845 году аксаевские евреи обращались с просьбой о покровительстве и защите к русскому правительству. Грозненские евреи рассказывают, что они жили прежде в Староюрте, но некий Уда-мулла напал на них с шайкою хищников, ограбил их имущество, 20 человек убил и многих взял в плен. Это обстоятельство заставило их убежать из Староюрта в крепость Грозную, начальник которой их принял и указал им место для поселения.

В смутные и тревожные времена Шамиля евреи страдали от преследований и угнетений своих владельцев и местных жителей и от постоянного нападения на них скопищ Шамиля, которые грабили их, убивали и увозили в плен. В эту тяжелую эпоху евреи окончательно разорились; многие из них, оставив свои семейства без всяких средств к пропитанию, сами скитались с места на место по своим братьям, выпрашивая у них денежное пособие для выкупа своих пленников из рук тиранов. Страдальцы эти, оплакивая постоянно свою горькую участь, поневоле привыкли ко всевозможным несчастьям, связанным с иноплеменным игом, и наконец делались равнодушными к ударам судьбы.

Со времени учреждения в кумыкском народе главного пристава и городского Андреевского суда, что совпадает с занятием плоскости русскими войсками, положение горских евреев стало мало-помалу улучшаться, потому что личная их безопасность и имущественные права ограждались приставами, в городском суде стали приниматься к разбирательству, по шариату и кумыкскому адату, уголовные, исковые и тяжёбые дела евреев с туземцами. Евреи начали вместе с туземцами отбывать некоторые общественные повинности, вносили деньги на наём бегаулов (десятников), ночных караульщиков, нарочных для возки бумаг в тревожное время, принимали также участие в исправлении дорог и мостов и т. и.

После падения власти Шамиля последовали распоряжения правительства, имеющие в виду поставить горских евреев наравне с массою кумыкского народонаселения, избавив их от прежних угнетений и тягостных и унижительных налогов. В 1860 году введены правила для судопроизводства в народных судах, по которым дела евреев изъяты от шариатского разбирательства, потом последовало предписание начальника Терской области от 30 июня 1866 года, по которому дела евреев с туземцами в случае ответственности евреев должны разбираться в слободских управлениях, а не по адату; словом, евреи в юридических правах своих уравнены теперь с туземцами, наравне со всеми участвуют в делах общественных и в слободских управлениях, имеют своих депутатов с правом голоса, только к совещаниям по делам аульных обществ не допускаются и до сих пор.

Дела их разбираются: а) по русским законам: уголовные, исковые, тяжёбые и полицейские, возникающие между евреями, русскими и горцами; б) по кумыкскому адату: исковые и тяжёбые между евреями и горцами, когда ответчики-туземцы или обе стороны не сойдутся через посредников; в) по уставам и обрядам еврейской веры: дела, касающиеся до веры и совести, по бракам и разводам, по опеке маленьких сирот и слабоумных, по неповиновению детей родителям и вообще по несогласиям между членами семейства: разбирают их раввины по 4 книгам: Шулхан-Арух, Хотен-Мишпат, Эбен-Эзер и Иоре-Деа, имеющие силу законов по еврейской религии.

Евреи только недавно начали заниматься постройкой домов и мельниц, и то не все, а преимущественно состоятельные люди. Так, в Хасавюрте и Грозном есть хорошие еврейские дома и лавки; вообще же евреи занимаются охотнее торговлею красным и мелочным товаром, выдел-

кой сафьянов, разведением фруктов и виноградных садов, для которых потребное количество земли арендуют у землевладельцев на разных условиях или приобретают покупкою. Земледелием и скотоводством не занимаются вовсе, почему и не имеют поземельной собственности; те же из них, кто держит для домашней надобности верховых лошадей, дойных буйволиц и коров, пользуются общими аульными и слободскими выгонами и пастбищами; а необходимые жизненные припасы покупают у туземцев и русских на деньги или выменивают на мелкие товары.

Глава 1

Горские евреи. Их жилища, гостеприимство, пища и напитки

Горские евреи, живущие с незапамятных времен между горскими племенами Кавказа, отличаются весьма резко от всех своих европейских соплеменников нравами и обычаями, которые они позаимствовали у своих соседей-горцев, живя между ними в течение веков и даже тысячелетий. Во время моего двухлетнего путешествия по Прикаспийскому краю и Терской области я по мере возможности изучал быт этих моих единоплеменников: их образ жизни, обычаи, нравы, обряды, верования и предрассудки, я также собирал их легенды, сказки и национальные песни. В предлагаемой статье я представляю собранные мною этнографические заметки о быте этих горских евреев, так еще мало известном, причем надеюсь, что труд мой не будет оставлен без внимания любителями истории и этнографии.

По приезде моем в первый раз в г. Дербент тамошний главный раввин указал мне квартиру в доме одного богатого еврея, в еврейском магале. Квартира эта была довольно порядочная, во втором этаже, с азиатским убранством, то есть стены ее были покрыты шелковыми одеялами и коврами, на них висело много зеркал самой простой персидской работы, и между зеркалами висели шелковые шали. Под верхним карнизом сделаны были длинные полки, на которых расставлена была разная посуда – фаянсовая, медная и стеклянная; под полками висели тарелки и медные подносы, круглые, больших размеров; тарелки и подносы навешены были на тоненьких нитках, для того чтобы казалось издали, что они висят на воздухе. Пол был устлан персидскими хорошими коврами. Собственно для меня хозяин достал где-то стол и стулья, но спать все-таки пришлось мне по-азиатски – на хорошей постели на коврах. Такую роскошную квартиру я имел в Дербенте, но мне пришлось побывать в еврейских саклях и в горах. Вот как они устраиваются и убираются.

Все сакли в Южном Дагестане и в Терской области, также в Нухинском и Шемахинском уездах выстраиваются из камня, на грязи или глине. Крыши делаются плоские; они смазываются глиною с примесью самана (мешаной соломы), убиваются и укатываются так твердо, что составляют сплошные твердые массы. Потолки подшиваются или короткими досками, на протяжении балки от балки, или камышом. В каждой сакле делают одно или два маленьких окна и одну или две двери; окна без рам и стекол, со ставнями простой, топорной, но прочной работы, без всякой оковки, запирающиеся изнутри толстыми деревянными засовами. Внутри комнат, между окнами и дверью, устраивают камин, без дверец и заслонов, с плотною трубой из глины; на верху крыши труба закрывается доскою, и на доску кладут тяжелый камень, чтобы она не упала во время сильного ветра. Зимой камин постоянно топится, и тлеющие угли поддерживаются в нем по целым суткам. Возле дверей дома устраивают нечто вроде коридора или галереи, также с каминами на обоих концах, с полами, хорошо вымазанными глиной и покрытыми коврами. Здесь летом женщины работают, приготавливают кушанья или проводят время со своими гостями.

Сакли эти устраиваются о двух или трех комнатах; в каждой комнате сделана в стене маленькая дверца или лазейка наравне с полом; через нее они пролазят в другие комнаты, и ее не видно, так как она постоянно закрыта стенным покрывалом. Стены и полы комнат смазываются еженедельно, перед субботой, весьма чисто выбеливаются известкою, а нижний карниз вымазывается по большей части красной или серой глиной, добываемой ими на месте в изобилии. Комнаты убираются так: на верхних полках расставлена, как я уже выше сказал, разная посуда, как то: чайники, полоскательные чашки, бутылки, глиняные кувшины для вина и медные кувшины для воды старой азиатской формы и разная мелочь. Одна стена украшается зер-

калами, и между ними висят шали, шелковые или шерстяные, а также группируется разными фигурами оружие – шашки, кинжалы, пистолеты и ружья.

Вторая стена украшается большими висящими на ней круглыми подносами из красной меди и тарелками, раскрашенными цветами и фигурами; внизу под этими украшениями поставлены сундуки, один на другом – внизу самый большой, а наверху самый маленький, в виде пирамиды; в них помещается одежда и другое имущество хозяев.

Третья стена украшается постелями: верхняя половина стены уложена подушками и одеялами, сложенными в порядке до самого потолка, а у нижней части стены сделаны квадратные отверстия, заменяющие наши шкапы; в них держат разные хозяйственные вещи, а у раввинов помещаются там книги. Эти отверстия, или шкапы, закрываются занавесами. В саклях бедных, у которых не много постельных принадлежностей, целая стена завешивается с потолка до самого низу занавесами.

Четвертая стена образует камин, окна и двери. Около дверей и в углах комнаты я замечал большие, в полтора аршина вышины, глиняные сосуды, в которых держат муку и крупу; они служат вместо амбаров. Посредине комнаты стоит столб, а в больших саклях и два столба, которые подпирают потолок, на этих столбах висят со всех сторон одежды и оружие. В некоторых саклях я видел длинную палку, которая висит на двух веревках, привязанных к потолку; на палке этой вешают иногда одежду, а иногда копченую говядину, баранину или сало. Пол застилается хорошими коврами или весьма искусно и красиво сплетенными из камыша рогожами; но из них нужно часто выбивать пыль и обрызгивать их водой. Так, украшенная комната служит вообще приемной для гостей и приезжающих и называется кунацкой. Вторая же половина сакли определена для кухни и для помещения семейства. Летом, когда женщины готовят свои кушанья на дворе и работают или беседуют на галереях своих домов, тогда в их комнатах очень чисто и опрятно; но зимою там большая нечистота и грязь. Посуда с водой, бурдюки с вином, корзины с мукой и крупую – все это помещается на женской половине сакли; тут же говядина, баранина и сало висят на крючьях и коптятся; медные и глиняные сосуды, старые тряпки и тому подобный хлам разбросаны повсюду; в таком хаосе живет семейство зимой.

Свет входит в комнату через маленькие окошки и через отворенные постоянно двери, а также проникает сверху, через прямую трубу камина. Зимой окна и двери также отворены, и теплота вместе с дымом выходят из комнаты на двор, а жильцы сидят и греются возле огня камина. Вообще, горцы-мусульмане и горцы-евреи не заботятся, чтобы теплота сохранялась у них в комнате на продолжительное время.

Иногда хозяин устраивает у себя на дворе огороженное плетнем помещение для скота и лошадей; но по большей части я встречал в деревнях такие помещения, вроде сарайчиков, выстроенных под полом саклей. У некоторых богатых бывают двухэтажные сакли; в таких саклях принимают они своих гостей во втором этаже, а нижний этаж служит для семейства. Двери они делают вообще и везде весьма низкие и узкие, так что нужно сгибаться при входе и выходе через них, нужно также быть осторожным при ходьбе по лестницам и через пороги, иначе легко себе сломать с непривычки руки и ноги.

При окончании постройки сакли собираются женщины, юноши и девушки к хозяину сакли, и они должны помочь ему в последний раз вымазать крышу новопостроенной сакли. В то время хозяин угощает их водкой или вином, и они оттуда возвращаются с торжеством. Мне раз пришлось видеть такое торжество в деревне Арага, в Кюринском округе (в Южном Дагестане). По улицам деревни слышались зурны с аккомпанементом барабанов; партия за партией, молодежь и женщины ходили и громко распевали разные песни; девушки с весельем оглашали воздух звуками ударов в ладоши: это было торжество при возвращении из новооконченной сакли у их односельчанина. Вечером того же дня хозяин новой сакли приглашает к себе всех хозяев деревни из евреев и делает для них большой ужин за то, что они помогали ему в его постройке.

В некоторых местах, как, например, в Дербенте, Кубе, Темир-Хан-Шуре, Хасавюрте и Грозном, я видел у горских евреев порядочные европейские дома, но они принадлежат, разумеется, богатым, которые ездят ежегодно на Нижегородскую ярмарку. У таких евреев находится одно отделение, убранное по-азиатски, где они живут с семействами своими, особое отделение – кунацкая – для горских гостей и еще одно отделение, убранное совершенно по-европейски; это последнее стоит необитаемо, назначаясь только для европейских гостей.

Самый древний обычай, оставшийся в наследство потомкам человеческого рода в Азии, есть гостеприимство. Все мусульманские и языческие народы Азии крепко придерживаются этого обычая и доныне. Горские евреи, заброшенные судьбою изнутри Азии сюда, в горы Кавказа, почти за 7 столетий до Р. Х. сохранили некоторые из обычаев своих предков-патриархов в первобытной форме, как, например, гостеприимство и обмывание ног (Бытие, гл. XVIII, 1–8) до настоящего времени. Если какой-либо хахам (ученый) из Палестины или из России приезжает к ним в деревню, то каждый из жителей деревни просит его настойчиво заехать к нему в гости; но большею частью хахам заезжает или к богатым хозяевам, или к раввину. Тогда тот хозяин, к которому заехал гость, обязан взять из рук его вещи и отнести их в гостиную комнату, указать ему лучшее место на постели для отдыха с дороги и тут же обмыть его ноги. Впрочем, в некоторых местах исполняет этот обычай сама хозяйка дома. Скоро затем собираются в этот дом старики и почетные люди и подают гостю руки с приветствованием на библейском языке, словами: «шалом алейхем», то есть здравия вам желаю, или «барух-габо», что значит: да будет благополучен ваш приезд, а гость должен им отвечать: «Алейхем шалом!», то есть будьте вы здоровы и благополучны.

Все беседуют с ним, а хозяин подает в то время разные угощения, и все садятся с гостем обедать или ужинать. Гостю не должно быть скучно, а потому жители деревни не дают ему скучать – один от него выходит, другой заходит, и каждому деревенскому жителю желательно узнать причину его приезда или те новости, какие он привез им; поэтому в один час уже известно всем в деревне, даже женщинам и детям, зачем приехал гость. Когда гость желает отъехать, хозяин просит его, чтобы он остался у него еще на некоторое время. Если тот беден и нуждается в помощи, тогда общество помогает ему денежным пособием по возможности. Хозяин дает ему съестные припасы на дорогу, и один или несколько человек из этой деревни провожают его до следующей деревни.

Кроме таких гостей приезжают к ним свои единоверцы из соседних деревень и городов по делам торговли, по знакомству или для отдыха и ночлега; в таком случае каждый имеет своего кунака, то есть доброго знакомого или приятеля. Хозяин обязан встретить гостя, взять у него из рук оружие, принять лошадь, угостить кунака, накормить коня и при отъезде провести его за ворота с пожеланием ему счастливого пути. Подобное же гостеприимство хозяин надеется встретить и в свою очередь. Таким же образом принимают они и гостей из мусульман, заезжающих к ним по разным обстоятельствам или для отдыха и ночлега. Каждый мусульманин имеет своих кунаков в еврейских деревнях, и каждый еврей имеет таких же приятелей в мусульманских деревнях.

Европейскому человеку весьма трудно привыкать к их кушаньям и способу их приготовления, потому что горцы-евреи едят весьма нечисто. Вообще я заметил, что они подают кушанья в такой посуде, которая по несколько недель не мыта, и на ней остатки прежних кушаний накоплены одни на другие; иногда подают стакан или рюмку для напитка также нечистые, замаранные мухами, грязью или пылью, да и вообще о чистоте все горские евреи мало заботятся. Кроме того, они прикасаются к каждому кушанью руками, и хотя и находятся у многих зажиточных из них ложки и вилки, но они все-таки по привычке едят руками. Большею частью все кушанья их пахнут потом, что отвратительно для непривычного человека.

Обычай у них таков, что гость не должен есть отдельно, а только вместе с хозяином; если же хозяина нет, то с членами семейства: ибо стыдом считается у них, если гость будет кушать

отдельно. Еще есть у них адат, что кто бы ни зашел к ним во время еды, непременно должен сесть и участвовать в компании, для чего они нередко приготавливают столько кушанья, чтобы его было достаточно по крайней мере для десяти посторонних человек.

В домашнем быту женщины едят вместе с мужчинами, чего у мусульман не бывает, а когда заходит посторонний человек, то они удаляются и едят отдельно, в своей комнате.

В будничные дни в обед и ужин кушанья подаются на больших круглых деревянных подносах, а в праздничные дни или в присутствии гостей – на больших круглых медных подносах. Поднос ставится на полу, на ковер, который покрыт ситцевым платком, а в праздник или при гостях – шелковым.

Под платком лежит хлеб, то есть чуреки, которые они пекут раз в неделю, от одной пятницы до другой (когда же приезжает к ним знатный гость, то они тогда особо пекут свежий хлеб), возле чуреков разложены соль, чеснок и лук, а в праздничные дни и для гостей прибавляются разные фрукты; вокруг подноса садятся, поджав ноги, мужчины; возле дверей стоят несколько человек для прислуги, а в семейном быту – кто-нибудь из членов семейства.

Прислуга подает к столу, то есть к подносу, воду для обмывания рук, потом хозяин читает молитву и берет чурек, разламывает его на столько кусков, сколько сидит вокруг подноса людей, и бросает каждому по куску, после чего каждый, прочитывая короткую молитву, то есть благодаря Бога за хлеб и за соль, обмакивает свой кусок чурека три раза в соль и со странными гримасами начинает есть; потом хозяин берет другой чурек, разламывает его на куски, обмакивает все куски в соль и отправляет их через прислугу женщинам в их комнату; потом пробуют фрукты для того, чтобы поблагодарить за них Бога; после фруктов едят лук и чеснок с хлебом, вместо первого блюда. В это время является хозяйка с покрытым платком лицом и подает кушанья; за ней идет и прислуга с остальными блюдами, потому что все блюда подаются вместе, за один раз. Тут образуется смесь всяких кушаний: суп с бараниной, говядиной или курдючным салом, с клецками, сделанными квадратиками или треугольниками из пшеничной муки, сваренными жидко в воде и приправленными уксусом и чесноком, что называется у них хинкал; или суп из фасоли с говядиной, бараниной или с салом, приправленный чесноком и кислыми ягодами; плов из круп, с курдючным салом, приготовленный густо, как каша, приправленный изюмом и покрытый сверху яичницей; иногда яичница особо; отваренная баранина или говядина; жаркое особо; к нему добавляется маринованный чеснок и маринованные огурцы на особом блюде, что заменяет наш салат; наконец – сладкие кушанья, состоящие из жареных или вареных груш, яблок и слив в меду или сахаре, с курдючным салом, с изюмом, что заменяет наш компот.

Все вышеупомянутые кушанья готовятся с большим количеством чеснока, что непривычному европейцу трудно переносить. Берут они понемногу, от всех блюд, смешивают вместе и едят руками; ложки употребляют для супа, но очень редко, а говядину берут или руками, или заостренными деревянными палочками, или же каждый особо разрывает свой кусок на кусочки руками или режет ножиком своим, имеющимся под кинжалом у каждого мужчины.

К столу подаются и напитки – водка и вино, приготовляемое ими из своих виноградников или купленное у своих братьев; они пьют много за столом, так что поминутно, немного закусив, пьют за чье-либо здоровье; но я редко встречал между горскими евреями людей, которые бы напивались до того, чтобы свалиться с ног.

На ужин большею частью подают или хинкал, или жареную и копченую соленую рыбу, называемую ими кутум, или же жарят фасоль в масле и сале с чесноком, солью и луком. Все эти кушанья они готовят для праздничных дней и для важных гостей; в семейном же быту обходятся хлебом с сыром или с кутумом, луком и чесноком.

Сверх этих кушаний они любят еще зелень и едят ее весьма много, без всякого приготовления, иногда с хлебом, иногда без хлеба. В Кубе я был приглашен в гости к некоторым

богатым евреям, которые угощали меня вином и водкой и подали закусить одних только трав более 5 сортов разного вкуса. Летом они едят их постоянно с хлебом.

Вообще, при случае, все они без исключения кушают весьма много; большой круглый поднос с пловом подается несколько раз к столу сверх остальных блюд, кроме того, каждый из них может съесть за столом 2 и 3 больших чурека. Зато в дороге они могут обходиться только чуреками, луком, чесноком и сыром в течение очень продолжительного времени.

Если гость заехал в дом какого-либо хозяина и квартира ему не нравится или неудобна, то он не может перейти на другую квартиру, потому что это почитается большою обидою для хозяина квартиры, а также большим стыдом для того, кто его примет в свой дом; между этими двумя хозяевами непременно произойдет ссора, и они могут сделаться навсегда между собою врагами.

Глава 2

Национальный характер горских евреев, их язык и письменность. Грамотность горских евреев, обучение их детей и училища. Склонность горских евреев к праздности; любознательность их к новостям и рассказам. Три местных рассказа

Горские евреи, с тех пор как лишились своего отечества и были поселены как пленники в горах Кавказа, усвоили себе обычаи и нравы тех племен, между которыми жили. В первые времена их пребывания на Кавказе они сохраняли еще национальный характер и даже язык своих отцов, как это видно из биографии святой Нины: когда она пришла в Грузию из Иерусалима для распространения христианской веры, то была весьма рада, что нашла своих соотечественников в городе Урбниси, в Карталинии, где она целый месяц беседовала с ними на их национальном, древнееврейском языке, равно и с евреями, жившими тогда в Мцхете, язык которых она знала отлично еще в Иерусалиме. Тогда их тип и характер был еще чисто патриархальный. Но во время персидского владычества в Закавказье евреи усвоили себе древнеперсидский язык, который они называют фарсидским и татским, и, вероятно, образовался у них жаргон, составленный из этих двух языков с примесью древнееврейских, то есть библейских слов, и со множеством слов и языков местных, соседних племен. Письменность у них на этом жаргоне производилась еврейским квадратным шрифтом, называемым ассирийским.

Во время мусульманского владычества в Закавказье евреи совершенно отатарились, приняли мусульманский характер и многое из обычаев, нравов и образа жизни мусульман; но язык их остался тот же самый, фарсидско-татский, на котором они и ныне разговаривают между собой. Я привожу здесь несколько слов этого языка и рассказ, записанный мною на их языке, для примера.

Ма – я
Ты – ты
У – он
Йму – мы
Пишу – вы
Ухо – они
Худо – Бог
Аасму – небо
Сар – шар
Земи – земля
Нить – сиди
Нишит – сидите
Баба – отец
Дадай – мать
Бирор – брат
Хахар – сестра
Духтар – дочь, девушка
Кук – сын
Гуфтере – говорить
Иста – хочет, желает

Хизум – дрова
Тахайр – вечер
Нун – хлеб
Шпр – молоко
Корда – нож
Хуб – хорошо
Хубо – хорошо
Амбар – очень
Амбар хубо – очень хорошо
Хиеты – есть
Нисты – нет
Хуб-нисты – нехорошо, худо
Биор – дай, принеси
Оу – вода
Хурум – пить
Оу-биор-хурум – дай воды
напиться
Диа маа – дай мне
Чи – что
Чи у гуфтерени – что он
говорит?
Чи у иста – что он хочет?
Чи у биор – что он принес?
Хузум биор – дрова принеси
Нун биор – хлеба принеси
Гушг-кови – говядина
Гушт-понды – баранина
Нумо – имя
Кейф – как
Духтар амбар гукчеги —
красавица
Сах-баши – очень благодарен
Данэстены – понимаете?
Чул – деревня

Счет:

еки – 1
дидо – 2
сеса – 3
чор – 4
пендж – 5
шеш – 6
хафт – 7
хашт – 8
нэ – 9
тха – 10
йахозда – 11
ду-хоза – 12
сахозда – 13

чорда – 14
похозда – 15
шохозда – 16
хавда – 17
хацда – 18
нохоада – 19
бист – 20
бист-пендж – 26
бихзда – 30
бихздпоходза – 35
дубист – 40
дубист-пендж – 45
дубистха – 50
сабист – 60
сабистха – 70
чорбист – 80
чорбистха – 90
сат – 100
дусат – 200
сасат – 300
чор-сат – 400
пендж-сат – 500
хазор – 1000
ду-хазор – 2000 и т. д.

Ма аморум – я пришел
Ты амори – ты пришел
У амори – он пришел
Йму аморим – мы пришли
Ишму аморит – вы пришли
Ухо амо – они пришли
Кейф ту хуби – как твоё здоровье?
Кейф ишму хуби – как вы поживаете?
Кейф зенты хуби – как твоя жена поживает?

Рассказ на этом языке

А пендж хазор, пендж сат, чорбист чор дахсал, кей рафт Мусурмохо ези чул Араг а Мур-сульт-хан а куфта а Хайтах, йа Мусурмох нумы Дамур, яурд аз Хайтах ай Сейфертейра духузди аз намаз Израильхо Хайтах и Араг. – Вагурд ванджи Сейфертейра чекмэ кушкерд аре хушта, вагурд, ти кахо бахеш керт Муеурмохора ухо арежшита хошкинэ чекмэ, хош кердет а Сейфертейра капой ханжал тало ахариши хан-жалхора. – Гуфтурут Израильхо а Мусурмох аричу ванджирены и чи Худохи, арчу ира азиничихо хош кердени? Худо иш-муре мидады. – Мусурмохо хостам берут пискунут рах Исра-хила, вагурдут Сейфертейра тапорид арад малад, ухо хандустут, ухо бешмердут Худо Исрахила. – Йа руз борда азарло бисто мусурмо Дамур, амбар сахти-назарло бисто, у джурай – за асахт – дзухун новаз джурай за у гуфты: вай! сухтум, сухтум! дулма еухтэ! Га руш чуруй за ношомах веда рафт.

У мусурмох дуруд ки у аде хадж мурда, Худо додо мурд, тарсируд байгурдуд ути келохо Сейфертейра ки айшу бегурдут торуд а Израильхо. Израильхо бегурдут танород а намаз.

Перевод

В 5594 году от Сотворения мира, когда мусульмане, жители деревни Арага, отправились с Мурсул-ханом воевать с жителями селений Кайтага, один мусульманин, именем Дамур, взял Пятикнижие Моисея, на пергаменте написанное, которое он похитил из синагоги кайтагских евреев, и принес в селение Арага. Этот мусульманин взял пергамент Пятикнижия, разрезал его на куски, сделал из них себе башмаки и много еще кусков роздал другим мусульманам, чтобы они также сделали себе из них башмаки и чехлы для кинжалов и пистолетов своих. Евреи говорили им: «Зачем вы делаете так, это святая книга, за что вы оскорбляете ее так? Бог накажет вас за такое преступление и взыщет с вас такую обиду!»

Мусульмане же насмехались, и для того, чтобы еще больше рассердить евреев, взяли куски рукописи и топтали их в грязи, хохотали, хулили и ругали Бога евреев.

Через день заболел весьма сильно мусульманин Дамур, он кричал из всех сил каждую минуту: «О, я горю, я горю, я сгорел, сердце мое горит!»

Несколько дней кряду он так кричал, пока душа из него вышла, и он скончался.

Мусульмане, видя, что Дамур умер и так жестоко мучился, стали рассуждать и пришли к убеждению, что Бог его наказал за оскорбление святыни; они стали сильно бояться за себя, собрали все куски пергамента Пятикнижия и возвратили их евреям. Евреи же с радостью спрятали их в своей синагоге и восхвалили Бога своих предков.

Сверх древнееврейских слов, которые мне пришлось слышать в их разговоре, я еще заметил много халдейских слов и талмудских фраз. Они, вероятно, приняли Талмуд во время его издания. Раввины их рассказали мне, что у них есть предание, что некоторые из ученых, входящих в состав талмудских толкователей, жили в Прикаспийском крае, как, например, Нахум Гамадай, то есть мидийский, жил в старой Шемахе, в Ширване, и Симон Сафро (то есть Симон ученый или писатель, ибо «сафро» есть халдейское слово и значит «автор, сочинитель») жил в г. Дербенте, и поэтому-то встречается в Талмуде много фарсидско-татских слов. Судя по этому, можно предположить, что в древности были у них ученые раввины и что народ тогда мог находиться на гораздо высшей ступени умственного развития. Теперь же их нравственное положение весьма в упадке. Я познакомился со всеми горскими раввинами в местах их пребывания и нашел только в г. Дербенте их главного раввина, который вместе со своим отцом отлично знают учение Талмуда, все законы и установления еврейской религии, знакомы с новой еврейской литературой и даже знают грамоту русскую. В других же местах раввины или знают еврейский закон весьма неудовлетворительно, или же почти ничего в нем не смыслят.

Вообще еврейское народонаселение в Прикаспийском крае и Терской области не обучается своей грамоте, и мне приходилось всякий раз слышать на мой вопрос: можете ли говорить по-древнееврейски? – один ответ: «Моя амхаарец», что значит по-библейски: «Я простак, неграмотный». С трудом я мог объясняться по-древнееврейски и с их раввинами. Даже местной грамоте они не обучаются, хотя им и необходимо знать ее по торговым их делам. Во всех деревнях они платят мусульманскому мулле, а в городах какому-нибудь грамотному татарину, чтоб им писали письма и разные бумаги, за что каждый мулла получает от общества годовое жалованье или от каждого особую плату за письмо, за просьбу и т. и. примерно по 10 коп.

Об обучении своих детей грамоте они мало или и вовсе не заботятся. Преподавателями у них резники, которые вместе с тем занимают и раввинские должности. Когда они свободны от резки скота, тогда только занимаются обучением детей. Они обучают мальчиков читать и писать, а также и Библии с переводом на фарсидско-татский язык. Кто из хозяев желает отдать своего сына в учение, тот платит раввину два абазы в год, то есть 40 коп.; сверх того раввин получает от таких хозяев на праздники муку, соль, кур и другие съестные продукты; если же хозяин занимается торговлей, то приносит раввину в подарок две пары чулок или кусок ситцу на платье для его жены. Если кто из молодых людей стремится достигнуть раввинского зва-

ния, то отправляется в Дербент к тамошнему главному раввину и там обучается или же едет в Россию к русским евреям и у них изучает правила, установленные для звания резников. Больше этого им не нужно, ибо стремятся только быть хорошими резниками, так как ремесло это достаточно для обеспечения их жизни. Другие познания их не интересуют, и лишь только такой молодой горский еврей получил или успел получить свидетельство, что он может быть хорошим резником, как спешит уже он на свою родину.

По приезде его из России в деревню к своим односельчанам эти последние встречают его с радостью и почестями; каждый из деревни считает себя счастливым, если скажет ему ласковое слово; женщины желают, чтобы Бог осчастливил их такими же сыновьями, девушки рады иметь таких женихов. Его принимают везде с большим уважением, точно возвратился он к своим родным, окончив курс наук в каком-либо университете со степенью доктора, а в сущности, этот ученый горец, окончивши свое учение в каком-нибудь ешиботе или у одного из резников, ничего не знает, да и он не может ничего знать, потому что когда он приезжает к русским евреям, то он, во-первых, языка русских евреев не понимает: каким же образом он может успевать в учении своем, когда не понимает объяснений и толкований своего учителя? А когда, в несколько лет, начнет он немного понимать разговор евреев, то все-таки вполне не может понять толкования закона; стараться же образовать самого себя по-европейски он не находит нужным, потому что ему желательно выучиться только своему ремеслу и получить свидетельство. Таким образом, возвращается он на родину без всякого образования, без всяких успехов в науках и остается там таким же полудиким горцем, каким был прежде, хотя и играет роль ученого раввина, и все односельчане им весьма довольны.

В каждом еврейском обществе в горах, как я сказал, найдется несколько человек, которые могут объясниться по-древнееврейски, то есть сколько-нибудь могут читать и понимать Библию; но таких весьма мало. Например, в Дербенте, где находится до 200 домов евреев, найдется около 20 человек, знающих еврейскую грамоту; в Араге около 90 домов и не больше 8 человек грамотных; в Кубе около 100 домов, и только около 25 или 30 грамотных; в Грозном до 200 домов, а грамотных всего 5 или 6. Столько же найдется их в Хасавюрте, в Мюджи, а в остальных аулах могут только одни раввины, да разве 1 или 2 из мирян объясниться по-древнееврейски.

По приезде моем в какую-нибудь деревню я считал нужным посещать училища, чтобы видеть, где и как учат детей. Меня обыкновенно вводили в сакли, которые большею частью помещаются возле синагог или в домах раввинов. Помещения для училищ оказывались обыкновенно тесными, грязными; учащихся насчитывалось примерно на 200 домов не более 15. Обучают таким образом: раввин сидит на земле или на ковре, а вокруг него – все мальчишки; вместе со своим учителем они кивают головами, читая молитвы или Библию с татско-фарсидским переводом и с татарским напевом. Печатные еврейские азбучки у них редко бывают; большею же частью раввины рисуют на таблицах буквы алфавита, и дети учатся читать и писать с этих прописей. Они все пишут на колене по мусульманскому способу, к чему так привыкают, что им трудно и неудобно писать на столе. В Дербенте находится школа вроде раввинского училища; она помещается при синагоге в хорошей комнате – светлой, с окнами европейской формы и довольно чистой; те, которые кончают курс в этом заведении, получают свидетельство на звание раввина или резника от тамошнего главного раввина. Остальные же училища в Дербенте, а также училища в Грозном, Хасавюрте и в деревнях находятся в весьма жалком виде.

Разъезжая в горах по деревням с еврейским населением, везде я встречал евреев, праздно расхаживающих с трубками по аулу или сидящих возле лавок, мечтающих бог знает о чем или беседующих около своих домов. Большею же частью они собираются возле синагог или резниц и на площадках деревни, где просиживают долгое время, рассуждая между собой или же толкуя попусту.

Вообще они любят выслушивать всякого рода новости. Если кто-либо проезжает, еврей или мусульманин, через их деревню, они останавливают его, – и вдруг около него собирается толпа с расспросами о новостях из его аула или что он знает о других деревнях; любят они также рассказывать друг другу религиозные сказки и в этих рассказах проводят день до вечера. Я приведу здесь некоторые из их рассказов, которые они сообщали мне весьма охотно.

Рассказ 1-й

Предки наши, которые жили в деревне Кусары (ныне штаб-квартира, недалеко от Кубы), передали нам, что в 5496 году от Сотворения мира, когда Надир-шах разорил еврейскую деревню Колкоту (ныне развалины на берегу реки Кудиял-чай в двух верстах от г. Кубы), избил и взял в плен многих из тамошних евреев, – в то время раз утром, когда раби Реувин бен-Самуил кончил утреннюю молитву и сел со своими учениками на дворе синагоги читать по обыкновению своему определенную для каждого дня талмудическую диссертацию, был предводитель войск Надир-шаха и проходил со своими войсками мимо синагоги. Увидев раввина с его учениками и много евреев из посторонних слушателей, предводитель вздумал прежде напасть на это сборище и убить их, а потом уже разорить деревню. Предводитель подошел со своими воинами к раввину, вынул свою саблю и занес ее на его голову; раввин, испугавшись, как держал в то время книгу в руках, так и поднял ее против сабли, чтобы защитить себя. Сабля не попала на его голову, а прямо на книгу, и книга была разрублена пополам. Предводитель, видя, что раввин остался неповрежденным, сказал ему: «Я вижу, что Бог ваш предохранил тебя от жестокости меча моего; за изучение Его святых законов будь ты спасен с твоим народом!» Потом он обратился к своим воинам и приказал им не трогать и не беспокоить никого из евреев. Попрощавшись с раввином, он со своим войском оставил деревню Кусары и, по милости Бога, Авраама, Исаака и Иакова, она была спасена тогда от нападения Надир-шаха.

Книгу эту показывал мне кубинский раввин Гершон. Действительно, она пополам искусно разрублена; сохраняется она у него как драгоценный талисман, предохранивший его предков от злых намерений врагов; она заключает в себе: описание св. града Иерусалима, служение первосвященников в судные дни в храме Соломона и некоторые толкования каббалистические, печатана в Венеции в 1587 году.

Рассказ 2-й

В смутные времена Надир-шаха евреи много страдали от нападений различных войск и шаек разбойников, так что не проходило дня без приключения и несчастья; хлеб на полях и домашнее имущество были постоянно уничтожаемы, голод постепенно увеличивался, и евреи, не будучи уже в состоянии терпеть более жестокую участь свою, стали оставлять свои обиталища и расходиться по разным местам; некоторые поселились в г. Кубе, но большая часть евреев решила оставить навсегда этот край и предпринять путь в Багдад и Палестину. Они собрали оставшееся имущество свое, приготовили припасов на дорогу, забрали свои семейства и в надежде на Бога своих патриархов пустились в путь.

Раби Давид бен-Реувин был их наставником и путеводителем. Они странствовали с места на место, пока дошли до Каспийского моря; там они сели на корабль. Во время поездки по морю они потерпели большое кораблекрушение. Раби Давид бен-Реувин и все старики облеклись в талеты (то есть в покрывала, которыми все евреи покрываются во время молитвы в синагогах) и стали молиться Творцу земли и морей; женщины и дети в отчаянии рыдали с воплями и молились. Все это не помогло: корабль стал разбиваться и разрушаться. Наконец, в последние ужасные минуты Бог умилился над ними и сотворил им чудо – они были спасены на одном острове, который представился им пред глазами при потоплении корабля.

Там, на острове, они жили пять дней; съестные их припасы погрузились в море, и они питались зеленью и овощами; через пять дней по благой воле Господа Бога проходил мимо того острова другой корабль. Корабельщик был седой старик. Увидев остров и на нем много людей, он весьма удивился, потому что в жизнь свою, сколько раз он ни ездил по морю, никогда не видел никакого острова на этом месте; из любопытства приплыл он к тому острову и спросил евреев: «Кто вы и из какой страны?» Они отвечали ему: «Мы горские евреи; с нами случилось несчастье, но вместе с тем и чудо Божие: наш корабль утонул, а мы были спасены на этом острове». Шкипер им отвечал: «Если вы израильтяне, то предки ваши давно уже привыкли к божеским чудесам, и, как я вижу, сам Бог привел меня сюда окончательно спасти вас; я весьма рад быть посланником от Бога; переходите все ко мне на корабль – я вас доведу до материка». Они остановились возле берегов Ширвана, все высадились с корабля на берег, а оттуда опять странствовали, пока не дошли до старой Шемахи; отсюда они отправились к своим братьям в селение Мюджи. Только что вошли они в селение, как скончался их верный путеводитель, раби Давид бен-Реувин, изнемогший от изнурений дороги; он был погребен на старом еврейском кладбище в селении Курдовоне, местопребывании в древности евреев, пленников Салманасара, ассирийского царя. Пришельцы рассказали своим братьям свои приключения на море и на суше, и все прославили Бога Израиля.

Рассказ дербентских и кубинских евреев

По бакинско-кубинской почтовой дороге, недалеко от Девичинской почтовой станции, в горах находится деревня Кала-Чирах, в которой жили евреи еще задолго до прибытия сюда Надир-шаха. Когда Надир-шах стал нападать на эту страну и притеснять ее жителей, евреи особенно пострадали тогда от жестоких гонений; они принуждены были выселиться из Кала-Чираха в г. Кубу. Ханчкала чи-рахский, видя, что евреи оставили свои жилища навсегда, велел собрать все надгробные камни, находившиеся на еврейском кладбище, и выстроить из них ему дворец. Жители исполнили с радостью его приказание и выстроили ему из этих камней великолепный дворец. Когда хан со своим семейством и всем имуществом перебрался во дворец, то не прошло и нескольких недель, как заболела его жена и умерла, потом дети все заболели и померли, наконец, и сам хан жестоко заболел, сильно мучился и после необыкновенно тяжелой болезни скончался, так что из целого семейства хана не осталось ни одной живой души, даже все лошади на ханских конюшнях погибли. Сколько раз пробовали тамошние жители-мусульмане селиться во дворце, они тоже умирали. Дворец этот стоит пустой, никем не обитаемый и до сих пор. Мусульмане боятся по вечерам проходить мимо него. Евреи уверяют, что Бог наказал хана за взятие надгробных камней с еврейского кладбища на постройку дворца и что мертвецы за обиду, нанесенную им, передушили его с семейством, а также душили и других мусульман, которые поселились после в том дворце; даже и невинных лошадей они не пощадили.

Глава 3

Верования горских евреев в бессмертие души. Верование в переселение души после смерти в животных. Понятия об аде, верховном небесном суде и рае. Господствующие болезни и способы их лечения. Похоронные обряды. Женщины-плакальщицы. Горские еврейки

Верования в бессмертие души у горских евреев различны: некоторые веруют, что душа человека по оставлении ею мертвого тела не отлучается от могилы тела ее целый год, а по окончании года возвращается к тому месту на небе, откуда взята, и там в Царстве Небесном покоится вечно. Некоторые полагают, что скоро по выходе из тела она улетает на небо, некоторые же веруют, что она целый год находится на том самом месте, где вышла из тела, а потому горит у них постоянно лампа на том месте в честь души. Некоторые также веруют, что душа посещает каждый день могилу ее тела на кладбище; по этой причине в некоторых местах есть обычай, что ставят воду на кладбище для душ человеческих, чтобы все души в ней выкупались и очистились от нечистоты мертвых обиталищ, прежде чем они поднимутся в свои святые места на небесах.

Горские евреи веруют также в переселение человеческой души после выхода ее из тела в различных животных, чистых и нечистых. Она бывает в них иногда долго, иногда короткое время и перемещается из одного животного в другое. По мнению горских евреев, душа известный срок страдает в теле животных. По окончании же срока она переходит в ад и там должна очиститься от нечистоты своей через огонь, а потом отправляется на покой в место, для нее назначенное.

Ад они представляют великим бесконечным чертогом, в котором находится множество отделений. В каждом отделении есть ангелы-истребители и черти, которые терзают грешников различными жестокими мучениями, как, например: бросают их в кипящие котлы, ставят на раскаленные сковороды, обмазывают их нефтью и зажигают, бьют жгучими железными прутьями, бросают в пропасти, кидают в воздухе с одного конца мира до другого. Ангелы же истребители исполняют в точности волю верховного небесного суда. В субботний день не производится никаких наказаний в аду – грешники отдыхают. В субботу же вечером уже повсеместно раздаются в аду вопли и жалобные крики.

Верховный небесный суд представляется большим чертогом, в котором горит бесчисленное множество свечей; раввины и великие люди Древнего мира, седые старики сидят в белых саванах вокруг длинных столов. Там висят большие весы, на которых взвешивают добрые и злые дела человека. Если грехи превышают добрые дела, то решается участь грешника по общему совету, именно какие наказания он должен принять на себя. Чертог наполнен постоянно мертвыми людьми, прибывающими туда из всех концов земного шара. Там допускается присутствовать их предкам и ближайшим родственникам, которые давно уже покоятся в раю; они имеют право вмешиваться на общем совете – просить за своих осужденных родственников; они также могут находить для них какие-нибудь оправдания в облегчение их жестокой участи. Плач, крики, вопли и рыдания слышны по всему чертогу; тут просит покойный отец о своем сыне, там мать о своем дитяти и т. д. Подобно тому, как за свои злые дела человек получает наказание, так за добрые дела он удостоивается награды, то есть по очищении души от грехов впускается в рай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.